

DOI: 10.24411/2072-9316-2021-00060

Э.П. Бакаева (Элиста)

ПРЕДАНИЯ О КАЛМЫЦКОМ ХАНЕ ДОНДУКЕ-ОМБО: ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТЫ В ФОЛЬКЛОРЕ*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению образа реальной исторической личности – хана Дондука-Омбо – и событий времени его правления в калмыцких преданиях. Показана историческая основа предания, выявлены мотивы и элементы преданий, типичные для этого фольклорного жанра. Отмечается, что в преданиях о Дондуке-Омбо присутствуют мотивы, характерные для других калмыцких преданий и легенд: бегство матери с ребенком от противников, наветы мачехи-ханши, вверение чужеродцу святыни, ложная клятва [правителя перед ламой]. В текстах основной темой выступает тема расправы над сыном во имя передела наследства, ссылка сына во имя изменения очередности престолонаследия, его убийство. Прослеживаются темы хана-самозванца, ханши-мачехи, тема конфликта со старшим сыном и убийства сына по навету мачехи, тема святыни и лишения ее, тема изгнания мачехи с детьми. В рассмотренных фольклорных текстах встречаются мотивы, характерные и для других традиций. В преданиях о Дондуке-Омбо прослеживаются исторические факты: вторая жена хана Дондука-Омбо являлась кабардинской княжной и была активной сторонницей наследования престола их сыном; старший же сын хана от первого брака Галдан-Норбо после известия о решении хана передать власть другому сыну поднимал мятеж против отца, после провала которого был лишен своих улусов и заключен сначала в Царицыне, и затем в Казани, где закончил свой путь. Типизация образов и сюжетов в фольклорном тексте приводит к замене персонажей, использованию типичных эпизодов, мотивов, при введении которых допускаются отступления от точных исторических событий.

Ключевые слова: фольклор; историческая основа; калмыцкие предания; образ хана Дондука-Омбо; Галдан-Норбо.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта в форме субсидии из федерального бюджета, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого (проект «От палеогенетики до культурной антропологии: комплексное междисциплинарное исследование традиций народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира»).

E.P. Bakaeva (Elista)

The Legends about the Kalmyk Khan Donduk-Ombo: Historical Facts in Folklore**

Abstract. The article is devoted to how the image of a real historical person – Khan Donduk-Ombo – and the events of his reign are treated in the Kalmyk legends. The historical basis of the legend is shown, as well as the motives and elements of the legends typical of this folklore genre. It is noted that in the legends about Donduk-Ombo there are motifs characteristic of other Kalmyk traditions and myths, namely the flight of Mother with a child from their adversaries, the slander by of the Khan-Stepmother, the entrusting of a shrine to a stranger, a false oath [of the ruler in front of the lama]. The subject-matter of the texts comprises the theme of the massacre of the Son in the name of the redistribution of the inheritance, the exile of the Son in the name of changing the order of succession, his murder. The following themes are traced by the author: the Khan-impostor, the Khan-Stepmother, the conflict with the eldest son, the murder of the son because of the Stepmother's slander, the shrine and its deprivation, the Stepmother with children in exile. In the considered folklore texts, there are motifs characteristic of other traditions. Thus, in the legends about Donduk-Ombo, such historical facts are traced as the second wife of the Khan Donduk-Ombo being a Kabardian princess as well as an active supporter of the succession to the throne by their son; the eldest son of the Khan from the first marriage, Galdan Norbo, after the news of the Khan's decision to transfer power to another son, unsuccessfully rebelled against his father and was deprived of his ulus and imprisoned first in Tsaritsyn, and then in Kazan, where he died. The typification of these images and plots in the folklore text leads to the replacement of the characters, the usage of typical episodes, motifs, with the introduction of which allows deviations from the exact historical events.

Key words: folklore; historical background; Kalmyk legends; the image of Donduk-Ombo Khan; Galdan-Norbo.

Введение

В калмыцкой фольклористике остаются недостаточно исследованными исторические предания, хотя их образцы публиковались в разные годы. Так, образцы исторических легенд и преданий были включены в сборники калмыцких сказок: во втором выпуске калмыцких сказок были опубликованы тексты «Дөрвн өөрд дөчн моңһл» ‘Сорок монгольских и четыре ойратских [племени]’, о Мазан-батыре, о Митр-нойоне [Хальмг туульс 1968]. В третьем сборнике опубликованы тексты об откочевке калмыков «на Алтай» в 1771 г. [Хальмг туульс 1972]. В четвертом выпуске этих тематических сборников – предания и легенды о хане Дондуке-Омбо, об Уба-

---

** The study was carried out with the financial support of a grant in the form of a grant from the federal budget allocated to State support for scientific research led by a leading scientist (project “From Paleogenetics to Cultural Anthropology: a Comprehensive Inter-Disciplinary Study of Traditions of Peoples of Transboundary Regions: Migration, Intercultural Interaction and a Picture of the World”).

ши-хане и нойоне Цебеке-Дорджи, о сыне Арта тайши, о Митр-нойоне, Мазан-батыре и др. [Хальмг туульс 1974]. Позже предания вошли в отдельный сборник [Семь звезд 2004], где составитель Д.Э. Басаев отмечал, что у калмыков популярны предания и легенды о народных героях Мазан-батыре и Митр-нойоне, прототипом которых являются исторические персонажи – тайша Мазан-Уйджен и нойон Нитар-Дорджи – внук Аюки-хана от его сына Чакдорджаба [Семь звезд 2004, 27]. Знакомящимся с текстами, включенными в указанный сборник, были доступны отдельные статьи, посвященные образу Мазан-батыра [Кичиков 1983; Батмаев 1985; Горяева 2004; Цекеева 2004; Тягинова 2004]. Образ Митр-нойона исследователи связывали с прототипом – нойоном Нитар-Дорджи, прославившимся как смельчак, удалец, участник многих столкновений, но в результате раздоров и борьбы за власть убитым старшим братом Дасангом [Митиров 1990, 40–57]. Варианты легенд о Митр-нойоне записаны неоднократно, основная сюжетная линия – о том, что смелый и свободолюбивый Митр-нойон был посажен в Астраханскую крепость, благодаря своему волшебному коню перепрыгнул через крепостную стену и, переплыв Волгу, ушел на Алтай, откуда еще вернется, когда придет время, в родные кочевья, чтобы освободить народ [Митиров 1990, 57].

В последующие годы исторические предания о Мазан-батыре, Митр-нойоне, а также об Ончхан Джиргале были опубликованы в сборнике сказителя Ш.В. Боктаева [Алгн чеежтэ 2010, 21–41]. Популярность легенд и преданий о Мазан-батыре обусловила обращение к этому циклу в специальной работе: в 2019 г. защищена кандидатская диссертация, в которой исследованы основные характеристики фольклорного цикла об этом герое [Сенглеев 2019]. Вместе с тем исторические предания, посвященные другим персонажам, анализировались достаточно редко. Так, Осорин Утна-сун провела сопоставительный анализ ойратских и калмыцких преданий о нойоне Лоузан Шуну, о Сетрджав, нойоне Цебеке-Дорджи, а также об истории распространения буддизма среди ойратов [Осорин 2015, 140–176]. Образ Лоузан Шуну в калмыцком фольклоре рассматривается в статьях П.Э. Алексеевой [Алексеева 1999], Т.Г. Басанговой [Басангова 2011]. Образы Шуну, Галдамы и Мазан-батыра описаны в работах Б.Б. Оконова [Оконов 1984; Оконов], С.В. Мирзаевой [Мирзаева 2016]. С.В. Мирзаева и З.С. Адьяева рассмотрели предания о нойоне Шеаренге у ойратов и алтайцев [Мирзаева, Адьяева 2016], Э.П. Бакаева – события, связанные с личностью Убаши-хана [Бакаева 2016], Б.Б. Горяева – фольклорные тексты об Ээт Мерген Темене [Горяева 2010].

В данной статье предпринимается попытка анализа исторической основы и фольклорных мотивов калмыцких преданий и легенд, связанных с фигурой хана Дондук-Омбо. Источниками для исследования послужили опубликованные и неопубликованные тексты: «Дондг Омб» ‘Дондук-Омбо’, «Һалдн Орв гидг көвүтэ Дондг Омб хаана тускар» ‘О хане Дондук-Омбо, имевшем сына Галдан Норбо’, «Агта хан Дондг Омб хойр хаана тускар» ‘О двух ханах – хане Агта и хане Дондук-Омбо’.

Основная часть

Предание «Дондук-Омбо» включено в раздел «Исторические предания» сборника «Хальмг туульс» ‘Калмыцкие сказки’ [Хальмг туульс 1974]. Текст представляет интерес своей полнотой, в связи с чем он был включен в двуязычный том «Мифы, легенды и предания калмыков» Свода калмыцкого фольклора [Мифы 2017, 265–272].

В предании «Дондук-Омбо» выделяются три основных сюжетных блока: приход Дондука-Омбо к власти; повторная женитьба и расправа по навету мачехи над старшим сыном; лишение народа святыни, смерть хана и изгнание ханши-мачехи с детьми. В нем отражены исторические факты. Действие начинается с момента смерти Аюки-хана (хотя имя его не называется). В фольклорном тексте зафиксировалось представление о том, что наследник Церен-Дондук был малолетним, в связи с чем его племянник, непредсказуемый (*уй-хай болсн*) Дондук-Омбо объявил о своем желании стать ханом и уничтожить наследника. В истории точная дата рождения Церен-Дондука не известна. Н.Н. Пальмов, основываясь на данных, помещенных в «Ежемесячных сочинениях и известиях о ученых делах» (за октябрь 1764 г.), где на стр. 352 в примечании имелась запись о том, что Церен-Дондук родился около 1701 г., считал верной эту дату рождения [Пальмов 1926, 12], однако, как отмечал со ссылкой на Архив внешней политики Российской империи А.В. Цюрюмов, при обсуждении престолонаследия в 1724 г. канцлер Г. Головкин «адресовал ханше письмо, в котором отвергал возможность передачи престола ханскому сыну до совершеннолетия» [Цюрюмов 2005, 52]. Здесь необходимо помнить, что в калмыцкой традиции допустима разница в подсчете возраста в определенных случаях до двух лет: при счете возраста учитывался внутриутробный период, а специфика счета лет была такова, что родившийся накануне новогоднего праздника считался годовалым, а после него – уже двухлетним. Можно сделать вывод о том, что фольклорный текст сохраняет память о реальном событии. Но Церен-Дондук мог считаться несовершеннолетним только согласно российскому праву (хотя согласно указу Петра I возраст наступления дееспособности определялся для мужчин 18 лет, а женщин – 17 [Именной указ 1830, 92], в разных регионах совершеннолетие трактовалось различно, и только после указа Екатерины II «О совершеннолетии мужского и женского полов» от 22 декабря 1785 г. был введен единый возраст совершеннолетия – 21 год [Мельникова 2018, 151–152]. В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона отмечается, что «гражданские законы в несовершеннолетии различают два возраста: малолетство (до 17 лет) и несовершеннолетие в тесном смысле (от 17 до 21 года)» [Возраст в гражданском праве]. Совершеннолетие определялось возрастом применения прав состояния. В более поздний период только с 25 лет позволялось участие в городских выборах и занятие должностей в сельском и волостном управлении [Высочайше утвержденное 1874, 825]).

В калмыцком обществе вступление в брак означало «стать человеком» *кун болх*, юноши вступали в брак примерно в возрасте 16–18 лет [Ша-

раева 2010, 249], у родственных калмыкам ойратов возраст от 18 до 40 лет называется *залуучуд* ('молодые мужчины') [Бакаева 2014, 92]. Таким образом, упоминание в предании малолетнего наследника соответствует официальной позиции по отношению к его возрасту. При этом предание содержит указание на то, что под угрозой расправы над Дондуком-Омбо мать наследника бежала вместе с малолетним сыном, оседлав коня, якобы к казахам. Мотив бегства на коне матери с ребенком характерен для сказочной традиции калмыков, но он не соответствует реалиям: после объявления Церен-Дондука ханом Дондук-Омбо с соратниками совершил нападение на улусы нового хана, разгромил его, и хану пришлось спасаться, укрывшись с приближенными в стороне от Царицына, и просить помощи от российского правительства; мать его Дарма-Бала в этой связи скрывалась в Саратове [Пальмов 1926, 220]. Интересен прием «отправки» беглецов в народном сознании на восток, в казахские кочевья: ведь известно, что с западным направлением, крымским походом и связями с черкесами (калмыки называли черкесами, *шерки*, все адыгские народы, в том числе и кабардинцев) был связан образ самого Дондука-Омбо. Таким образом, бегство от Дондука-Омбо ханши и наследника престола имело место, но в предании обрело элементы сказочного мотива. Реальной основой мотива малолетнего сына и бегства матери с наследником впоследствии явилась история с наследником самого Дондука-Омбо, после смерти которого Рандулу, которому он собирался передать ханский титул, было около 10 лет – под угрозой расправы его мать откочевывала с детьми к кабардинским князьям и даже имела намерение бежать под протекцию персидского шаха [Митилов 1998, 192–196].

Сжатие времени и событий, так называемая компрессия, наблюдается в предании в мотиве бегства ханши с сыном, а также в следующей теме: Дондук-Омбо объявляет себя ханом – хотя его утверждение в этом статусе состоялось только после правления Церен-Дондука, объявленного в 1724 г. наместником, в 1731 г. – ханом, а в 1735 г. получившего грамоту на ханство от Далай-ламы [Бакаева 2019, 896–903]. Дондук-Омбо правил с 1735 по 1741 гг., официально объявлен ханом в 1737 г.

Необычно в сюжетной линии предания передана история возведения в наместники ханства Дондука-Омбо: он объявляет себя ханом, обращается «к ханам других земель» явиться для поздравлений, а к «русскому царю» (*орсин хаанд*) – приехать и благословить на ханство, согласно древней традиции, «посадив на войлочный ковер» (*ширдг deer суулһад йөрә*). В предании соседние правители не принимают приглашение самозванца, вынужденного бежать законного наследника, а «русский царь» благословляет его на ханство. Выбор царя, не соответствующий логике других правителей, обосновывается как вынужденный, принятый под угрозой Дондука-Омбо: «*би чамаг [яһдгчн], Москван ик чонжсин deer алтн кирс эс бәәнү? Чамаг тенд уга кехв*» 'Если, придя, не благословишь, то я покончу с тобой в Москве, в большой церкви с золотым крестом на маковке' – таким образом, в предании используется прием сопоставления функций героя с функ-

циями противника-убийцы, причем локусом противостояния назначается сакральное (и конкретное) место – церковь. Мотив может быть соотнесен с мотивами русских преданий «отступление от канонов церковной обрядности», «нарушение церковных заповедей» [Криничная]. Вместе с тем в противостоянии двух сторон (русского царя и ханов других земель) в фольклорном тексте прослеживаются исторические факты: объявление в указе императрицы Анны Иоанновны от 7 марта 1735 г. Дондука-Омбо «Главным управителем калмыцкого народа» было вынужденной мерой, определенной необходимостью привлечения его к военным действиям русско-турецкой войны, когда Дондук-Омбо стал «значительной политической фигурой не только у калмыцкого народа, но и во внешней политике российского правительства»: и Россия, и Турция, и Крым добивались перехода мятежного владельца Дондука-Омбо, откочевавшего в сторону Крыма, на свою сторону [Тепкеев 2019, 629]. Так, в ноябре 1734 г. к Дондуку-Омбо был направлен посланник с грамотой императрицы Анны Иоанновны, а крымский хан пожаловал ему титул «турецкого сераскера-султана, правителя над кубанским и калмыцким народом», но «Турция и Крым в период подготовки войны с Россией в конечном итоге проиграли борьбу за калмыцкого владельца, с большим опозданием предоставив калмыкам подданство и продекларировав создание в будущем калмыцко-татарского государства в Прикубанье» [Тепкеев 2019, 629].

Взаимосвязь объявления Дондука-Омбо ханом и его участия в войне на стороне России была насколько явной, что прописана в самом указе «...объявить тебя, Нашего верного подданного, Ханом над всем, Нашим подданным, народом Калмыцким, и вящше изустно тебя обнадежить о Нашей Императорскаго Величества к тебе милости, и знаки Ханства: знамя, саблю, шубу, шапку тебе вручить, и что он же Соймонов именем и по указу Нашему будет тебе объявлять и говорить о походе в Крым; и в том во всем ему верить и по тому исполнить» [НА РК. Ф. И-9. 36. Оп. 1. Д. 75. Л. 180об.] [Бакаева 2019, 904].

В фольклорном тексте появляется мотив магического слова, обыгрывается антитеза благословления и противоречия ему: благопожелание царя быть сильным («*Күчни эрк үзүлсн өндр үзүлхтн – Дондг Омбо болтха!*») вызывает реакцию возводимого в ханы Дондука-Омбо о том, что он уже стал правителем и сила ему ни к чему. Последующие сюжетные действия иллюстрируют последствия его «антиблагопожелания», вступившего в магическое противоречие с благословлением царя, и в этом – проявление мотива магии слова, характерного для фольклора.

В предании отражена двойственность образа хана Дондука-Омбо: с одной стороны, прославленный полководец, значимая политическая фигура, с другой стороны – мятежный противник, противоречащий власти. Дондук-Омбо выступает и в образе героя, и в образе антигероя: он непредсказуем, смел, его опасается сам царь – но он осмеливается угрожать расправой правителю государства в храме, а впоследствии его действия приводят к смерти собственного сына.

Во втором сюжетном блоке предания основная линия связана с судьбой его сына (Галдана-Норбо, не называемого по имени), впавшего в немилость по навету второй жены хана. Дондук-Омбо после смерти супруги (которая в реальной жизни была им оставлена. Имя ее Н.Н. Пальмов называет Божака [Пальмов 1926, 239], а А.Г. Митиров приводит документ, в котором мать Галдана-Норбо названа Соломой [Митиров 1998, 198]) сватается к дочери «черкесского» (имеется в виду «кабардинского») правителя Шахмаджи. Молодая ханша не называется по имени, согласно же историческим фактам ею была Джан (дочь главного владельца Кабарды Кургоко Атажукина [Митиров 1998, 192], представителя известной в Кабарде фамилии [Коков, Кокова 2018, 150]), от которой у Дондука-Омбо родились 4 сына (Рандул, Додьби, Асарай и Джубасар) и 2 дочери (Бунигара и Делеку) [Митиров 1998, 198], хотя в предании говорится о двух сыновьях и дочери). В предании по совету ханши-мачехи Дондук-Омбо решает убить сына от первого брака, дабы отдал бразды правления сыну горянки, однако его старший наследник, узнав об этом, скрывается с сотней мужчин и ламой-астрологом. Ханша уговаривает хана заставить старшего сына вернуться к отцу, для чего по ее совету Дондук-Омбо обманом просит уважаемого ламу Аршикн вызвать скрывшегося после ссоры сына, говоря о том, что стар и желает примириться с сыном, и клянется не совершать насилия перед футляром для изображения почитаемого всеми подданными божества-покровителя (предварительно тайно вынув статуэтку из него). По приглашению ламы, несмотря на предупреждение своего монаха-астролога, откочевавший сын соглашается вернуться к хану, так как лама передает, что весь грех он возьмет на себя. По возвращению он посещает уважаемого ламу Аршикн, который подтверждает, что хан поклялся перед своим божеством-покровителем, и направляется к хану. Однако, когда сын после долгого пути засыпает, по приказу ханши его связывают и отправляют в неизвестном направлении. Узнав об этом, лама требует возвратить ханского сына. Хан пишет письмо, в котором дает указание вернуть сына, но ханша приписывает к его письму приказ о том, чтобы сына убили. Так погибает сын хана Дондука-Омбо.

Народная память объясняет, что с этой поры подданные невзлюбили Дондука-Омбо. А по навету своей ханши-черкешенки он погубил восемнадцать калмыцких богатырей.

Исторической основой этой сюжетной линии являются известные исторические факты: женитьба на кабардинской княжне, назначение ханом наследником сына от нового брака, бегство старшего сына и его вызов с помощью ламы, заточение его сначала в Царицыне, затем в Казани и скоростижная смерть ханского сына в изгнании.

В третьем сюжетном блоке речь идет о лишении народа святыни по вине хана и изгнании ханши-мачехи после смерти хана. Сакральное изображение божества-покровителя, как выясняется, хан доверяет чужеродцу – татарину-распорядителю, которого хватает богатырь, осмелившийся для своей защиты в нарушение всех обычаев взять с собой в ханскую

ставку нож. На вопрос хана, почему он это сделал, богатырь заявляет, мол, зачем удивляться, что простой человек взял с собой в покои хана нож, если сам хан никуда без жены-черкешенки не выходит. Когда богатырь хватается в доме хана татарина-распорядителя, хан заявляет, что нельзя его убивать, так как у него находится изображение ханского божества-покровителя. В результате татарин скрывается вместе с изображением божества, которому поклонялся весь народ. В предании сделан вывод: «Так калмыцкий бесценный мирде оказался во владениях черкесов». После этого следует смерть хана, изгнание из ханства его жены с детьми, неприятие ханши на ее прежней родине и принятие их под покровительство русского царя, который спасает их, поселяет в своем государстве, где они живут в благополучии.

В фольклорном тексте содержится немало узловых моментов, соответствующих историческим фактам, хотя присутствуют и моменты, противоречащие реалиям. Так, в 1738 г. имело место восстание сына Дондука-Омбо от первой супруги – Галдана-Норбо, начавшееся во время похода на казахские земли и после объявления хана о назначении наследником малолетнего сына Рандула от второй супруги, кабардинки Джан. Целью восстания был захват власти и даже, возможно, устранение хана, при этом многие владельцы были на его стороне [Митиров 1998, 176–178]. Галдан-Норбо руководил крупным войском, его поддерживал ряд князей, он имел и разные планы, в том числе либо идти на отца с казахами, либо откочевать в Центральную Азию или на Кубань. В сюжетной линии предания реальная история противостояния войска Галдана-Норбо и окружившего его войска хана и правительственного войска опущена для выделения основной темы – лишения старшего наследника законных прав и его убийства.

Мотив расправы над 18 богатырями, присутствующий в предании о Дондуке-Омбо, связан с имевшей место расправой хана над рядовыми воинами и их семьями, поддерживавшими противную сторону. Так, в приказе хана говорилось о том, чтобы «изловить» 18 зайсангов (князей, «с указанием... чи они сыновья»), поддерживавших его старшего сына, для расправы над ними, что и было совершено – хан, по словам одного из князей, «братью передавил» [Митиров 1998, 180, 183]. Н.Н. Пальмов на основе архивных документов писал, что при ликвидации восстания «широкой рекой лилась кровь» [Пальмов 1926, 240].

Мотив нарушения социальных норм поведения, когда богатырь в ханскую заходит с оружием, отражает реальный факт: в период династийных распрей однажды к хану Аюке явились его внуки Дасанг и Нитар-Дорджи – старшие из 12 сыновей Чакдорджаба, так как Дасанг считался наследником (поскольку первый из сыновей, Бату, был рожден от наложницы), а Нитар-Дорджи был следующим по старшинству [Митиров 1998, 353]. После Чакдорджаба они являлись наследниками, и это могло стать причиной неожиданных событий во время династийных споров. Дасанг вошел в ханское жилище, а второй в нарушение всех обычаев остался на коне, ожидая старшего брата. Этот исторический факт настолько выделял-

ся, что зафиксировался в народной памяти как случай, имевший место с фольклорным Митр-нойоном, прототипом которого являлся внук Аюки-хана – Нитар-Дорджи. Однако нарушение социальных норм со стороны богатыря, пытавшегося задержать чужеродца с святыней ханства, расценивается в фольклорном тексте как положительный поступок, который мог защитить святыню. Противоположную коннотацию имеет поступок хана, в нарушение всех обычаев отдающего на хранение инородцу святыню, которой поклоняется весь народ. Соответственно, нарушение в предании приводит к утрате святыни, что сказывается на судьбе хана и его потомков. С этим сюжетным действием связан образ ламы Аршикн, имя которого (Арша+суффикс притяжательности –кн / хн-) соотносимо с именем Арша-ламы, известного в фольклорной традиции калмыков как лама-чудотворец, образ которого «может иметь метатекстуальный характер, относительно свободно проникая сквозь жанровые границы» [Сенглеев 2019, 163]. Мотив ложной клятвы ламе со стороны хана для решения задачи выманить сына и затем расправиться с ним характерен как для предания о Дондуке-Омбо, где действует лама Аршикн, так и для «Сказания о хане Пунцоке», в котором сыном хана считается Галдама, а Арша-ламе клянется сам хан [Сенглеев 2019, 165]. В целом с этой сюжетной линией связан мотив нарушения религиозных канонов (продолжающий мотив угрозы расправы в храме, обмана ламы), приводящий к лишению народа святыни. Сравнение в предании ножа, принесенного в покой хана, с ханшей, которая неотступно следует за ханом, привносит дополнительный элемент в мотив злой мачехи, развернутый в предании и имевший историческую основу (известно, что ханша Джан имела отношение не только к выбору хана в пользу ее сына Рандула и расправе над Галданом-Норбо, по ее приказу во время борьбы за престол был также убит старший в роду – дядя ее мужа и сын Аюки-хана Галдан-Данжин).

Во втором предании «Һалдн Орв гидг көвүтэ Дондг Омб хаана тускар» ‘О Дондуке-Омбо хане, имеющем сына Галдана-Норбо’ [НА КалмНИЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. № 169 (160)] сюжетная линия ограничена вторым тематическим блоком из трех имеющих место в первом предании, но имеются новые элементы, обусловленные как происхождением сказительницы из калмыков-дербетов (и соответственно введением в качестве основного героя дербетского князя), так и незнанием исторических фактов (происхождения ханши). В фольклорном тексте вводится в качестве одного из героев, приходящих на помощь Галдану-Норбо, его дядя по матери: отмечается, что первая супруга Дондука-Омбо являлась старшей сестрой нойона Гумбе-Дорджи, хотя этот нойон был на самом деле зятем Дондука-Омбо [Митиров 1998, 162]. Хан повторно женится на дочери Астрхн-хана (сказительница предполагает, что она «русская девушка», ссылаясь на то, что у калмыков нет имени Астрхн), у нее рождаются 4 детей, мачеха желает известить старшего сына от первой жены, тот скрывается в районе «Самбурин һурвн толһа» ‘трех самарских курганов’, но ему приходится возвратиться к отцу, который призывает попрощаться с сыном перед смертью. Для рас-

правы с Галданом-Норбо ханша приказывает убить пасынка традиционным в монгольской среде способом без пролития крови (путем перехвата аорты). Но ее приближенный оказывается человеком, принявшим обет не убивать живых существ. Примечательны имя, атрибут и характеристика поведения этого героя: татарин по имени Кишг Маңһд, владеющий секирой, не убивающий живых существ. Имя этого персонажа по структуре имеет сходство с характеристиками богатырей в эпосе, где каждый богатырь имеет свое любимое оружие. Имя Әв балга Кишг Маңһд 'Владеющий секирой Кишиг Мангад' переводится как буквально 'Счастье / благополучие татарин', что явно имеет связь с мотивом передачи святости этому герою в первом из рассмотренных преданий и с представлением о счастье и покровительстве божеств. То есть в его имени прослеживается тема, которая в предании «Дондук-Омбо» раскрыта как передача татарину ханом божества-хранителя народа «мирде».

В этом варианте предания, записанного в 1977 г., имеются элементы, отсутствующие в более ранней, полной версии. Кишг Маңһд пленяет Галдана-Норбо, некий силач перебрасывает его через себя, тот находится в беспомощности, и в этом состоянии его передают в Астраханскую крепость. Дондук-Омбо также испытывает муки. В это время мачеху забирают в Астрахань, где подвергают казни. А дядя Галдана-Норбо отправляется туда на поиски племянника, но не находит его, а сам попадает в тюрьму, откуда вырывается, обманом уговорив дать ему пройти по улице со своим конем. Концовка предания получает в интерпретации сказителя дидактический вывод о необходимости воспитания и образования, то есть причина всех негативных событий видится в ханше-матери: «Тегэд Астрхн хаана күүкн... тегэд терүн деерэс авн Дондг Омб хаана үрн-садн цуһар, Астрхн хаана күүкн чигн медрл уга, зеенр чигн медрл уга тиигэд буурсн юмж» 'Так из-за дочери Астрхн-хана ... весь род Дондука-Омбо остался необразованным и пришел в упадок, и по линии дочерей также все пришли в упадок'.

В анализируемом предании, записанном в начале последней четверти XX в., несмотря на некоторые отступления, сюжет сохранил большую близость к историческим фактам. В нем присутствуют типические мотивы, в которых произошла смена героев. Так, в мотиве спасения из астраханской тюрьмы и бегства из астраханского кремля (обычно связанном с Митр-нойоном) действует дербетский князь Гумбе-Дорджи. В фольклорный текст включены распространенные мотивы злой мачехи и ее наветов, чужеродца – приближенного ханши, лжеклятвы хана, изоляции героя и его устранения. Вместе с тем эти мотивы соответствуют реальной жизни и историческим фактам. «Приближение» текста сказителем отражено в том, что в предании старая ханша-мать Галдана-Норбо, исходя из этнической идентичности ее брата, является дербеткой, а новая ханша-мачеха обладает неясной этнической идентичностью, о которой сказитель предполагает, что она русская. Возможно, эти факты определены поздней записью предания. Примечательно, что в название этого предания включено имя

старшего сына Дондука-Омбо – Галдана-Норбо, однако оно мыслится как предание о Дондуке-Омбо. Потому концовка текста связана с судьбой потомков Дондука-Омбо.

Третий фольклорный текст – «Агта хан Дондг Омб хойр хаана тускар» ‘О двух ханах – Агта-хане и Дондук-Омбо-хане’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. № 141 (150)] – в сюжетном отношении не связан с двумя преданиями о Дондуке-Омбо, так как имена ханов в нем имеют опосредованное значение. Сюжет основан на чудесном явлении и связан с фигурой разбойника, которого обвиняют в разных преступлениях, и которому дает наказание Дондук-Омбо: необходимо наполнить водой из озера бездонный засохший колодец, находящийся на кургане. Занимаясь этой работой, разбойник встречает гонца от Тайджи-хана, который должен сообщить о начале войны с Дондуком-Омбо. Он убивает его и бросает в колодец, который не может наполниться. В тот же момент бездонный колодец наполняется водой. Затем разбойник докладывает хану о том, что случилось, и хан разъясняет, что гонец от Тайджи-хана пришел с целью рассорить калмыцких ханов с джунгарскими. С той поры человек, бывший разбойником и совершивший благое дело на благо своего ханства, остался жить при хане.

В этой легенде исторические факты отражены косвенно, речь идет о имевших место разногласиях между двумя ойратскими ханствами – Джунгарским и Калмыцким – и отношениях между их правителями. Образ разбойника, предотвращающего кровопролитие путем устранения самой вести о предстоящей войне, сопоставим с образом богатыря из дружины князя. Характер основного действия сюжета позволяет определить фольклорный текст как легенду.

В анализируемом тексте обращает на себя внимание включение в название легенды двух имен ханов, одного личного, другого – имени-эвфемизма. Аюка-хан, как известно, в народе назывался Агта-хан. Под этим именем он фигурирует в ряде калмыцких преданий [Сенглеев 2019, 47, 161 и др.], в некоторых из которых отец его Пунцук называется Нойтна [Сенглеев 2019, 162]. Хан же Дондук-Омбо в двух проанализированных преданиях и легенде называется его собственным именем. Следует отметить, что в предании «Дондук-Омбо» хан Церен-Дондук по имени не называется, речь идет просто о «наследнике». В калмыцкой среде именем-эвфемизмом называли также и хана, пришедшего к власти после смерти Дондука-Омбо: Дондука-Даши в народе звали «Бальватин-хан». То, что Дондука-Омбо в преданиях называют его личным именем, свидетельствует об ином отношении к этому образу, нежели к другим ханам.

Заключение

В преданиях о Дондуке-Омбо присутствуют мотивы, характерные для других калмыцких преданий и легенд: бегство матери с ребенком от противников, наветы мачехи-ханши, вверение чужеродцу святыни, ложная клятва [правителя перед ламой]. В текстах основной темой оказывается расправа над сыном во имя передела наследства, ссылка сына во имя из-

менения очередности престолонаследия, его убийство. Прослеживаются темы хана-самозванца, ханши-мачехи, тема конфликта со старшим сыном и убийства сына по навету мачехи, тема святыни и лишения ее, тема изгнания мачехи с детьми.

В рассмотренных фольклорных текстах прослеживаются компрессия и использование типического мотива со сменой героя в нем. Встречаются мотивы, характерные и для других традиций: противник, нарушение сакрального запрета и религиозных обычаев, восшествие на престол с использованием атрибутов (восседание на войлочном ковре), одаривание царем хана при восшествии на престол словами благодарности, неподчинение подданных, вызванное нарушением обычаев, лишение свободы исторического лица со стороны другого исторического лица, проявление магической силы предсказаний, уход в иные земли, объяснение происхождения источника в связи с победой над противником [Криничная].

В предании «Дондук-Омбо» не упоминается имя Галдана-Норбо, основная тема предания – образ сильного хана, но самозванца, жестокосердного правителя, допускающего надругательство над святынями, лишаящего народ святыни, позволяющего убийство сына. В нем прослеживаются исторические факты: престолонаследная борьба после смерти Аюки-хана, утверждение Дондука-Омбо ханом со стороны российской власти, ссылка Галдана-Норбо в Царицын, затем в Казань и его неожиданная смерть, разрушившая планировавшиеся женитьбу на Анне Тайшиной и обустройство в Ставрополе-на-Волге среди крещеных калмыков; бегство ханши с детьми и отказ в Кабарде братьев принять ее, конвоирование ее с сыновьями в Царицын и Казань. Вместе с тем в предании есть элементы, противоречащие историческим фактам: в сюжетном блоке, посвященном Галдану-Норбо, отсутствуют данные о том, что он боролся за престол, поднял продолжавшееся более 2 месяцев восстание, к нему взывал отец Дондук-Омбо: «если признаешь меня за отца, а многих торгоутов за отчизну» [Митиров 1998, 175], а сын даже допускал мысль об убийстве хана или бегстве в Тибет [Митиров 1998, 177–200]. Но в реальной жизни состоялась расправа отца над сыном, что противоречило всем народным представлениям, законам, потому образ Галдана-Норбо овеян ореолом страдания, а образ Дондука-Омбо остался в памяти народной как образ жестокого хана и человека. Нарушение всех религиозных запретов, от намерения совершения убийства в русской церкви до ложной клятвы перед футляром с изображением божества-покровителя и его беспечное доверие слуге-татарину, уносящему святыню при бегстве к черкесам, приводит в сюжетной линии к смерти хана и изгнанию ханши-мачехи с ее детьми из ханства.

Можно также сделать вывод, что в народной памяти выделялись наиболее авторитетные правители, имена которых не произносились, и другие правители, которые в народных преданиях действуют как обычные люди. Такие правители называются их личными именами. Таким является образ хана Дондука-Омбо, который во всех трех рассмотренных текстах фигурирует под своим личным именем.

В сюжетных линиях преданий, в которых центральным образом является Дондук-Омбо, по законам компрессии макрособытия вмещают в себя ряд событий реальной истории. Однако макрособытие не искажается, оно лишь обретает более формальные черты. Типизация образов и сюжетов в фольклорном тексте приводит к замене персонажей, использованию типичных эпизодов, мотивов, при введении которых допускаются отступления от точных исторических событий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева П.Э. О джунгарском князе Лоузанг-Шуну // Теегин герл. 1999. № 8. С. 123–126.
2. Алтн чеежтэ келмрч Боктан Шаня. Хранитель мудрости народной Шаня Боктаев. Сост., предисл., коммент. и прилож. Б.Б. Манджиевой. Элиста: КИГИ РАН, 2010.
3. Бакаева Э.П. Исторический факт и его интерпретация: Убаши-хан в истории и культуре калмыков и ойратов // Трансграничная культура: очерки сравнительно-сопоставительного исследования традиций западных монголов и калмыков. Элиста: КалмНИЦ РАН, 2016. С. 344–352.
4. Бакаева Э.П. Об обозначении возрастных категорий в культуре ойратов и калмыков // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 4. С. 89–95.
5. Бакаева Э.П. Этническая идентичность калмыков и конфессиональные связи с Тибетом (к прочтению малоизвестных источников) // Oriental Studies. 2019. № 5. С. 891–925.
6. Басангова Т.Г. Новые сюжеты исторических песен калмыков // Фольклор в контексте культуры. Махачкала: ДГПУ, 2011. С. 9–10.
7. Батмаев М.М. Мазан-Батыр: легенды и действительность // Теегин герл. 1985. № 6. С. 110–112.
8. Возраст в гражданском праве // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. СПб., 1890–1907. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Возраст_в_гражданском_праве (дата обращения 01.02.2021).
9. Высочайше утвержденное Городовое положение от 16/28 июня 1870 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. XLV. Отделение 1-е. СПб. 1874. Ст. 48498. С. 825.
10. Горяева Б.Б. Легенды и предания о Мазан-батыре // Мазан-батыр: известный военачальник XVII в. и легендарный герой калмыцкого народа. Элиста: КИГИ РАН, 2004. С. 46–53.
11. Горяева Б.Б. Ээт Мерген Темене: сказка или реальность? (К вопросу об историчности персонажа) // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Элиста: КИГИ РАН, 2010. № 2. С. 145–150.
12. Именной указ от 23.03.1714 года «О порядке наследования с движимым и недвижимым имуществом» // Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание 1: в 55 т. Т. 5 (1713–1719 гг.). № 2789. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830.

13. Кичиков А.Ш. Жанровое своеобразие повествования о Мазан-баатаре в аспекте калмыцко-башкирских межэтнических связей // Межэтническое общности и взаимосвязи фольклора народов Поволжья и Урала. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1983. С. 120–128.

14. Криничная Н.А. Указатель типов, мотивов и основных элементов преданий. Петрозаводск: КФ АН СССР, 1990. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/krinichnaya1.htm> (дата обращения 01.02.2021).

15. Коков Дж.Н., Кокова Л.Дж. Заметки о кабардинской фамилии Атажукин // Кавказология. 2018. № 2. С. 146–151.

16. Мельникова Н.Т. Становление и развитие гражданско-правового института дееспособности в российском законодательстве в период XVII – начала XX в. (историко-правовой аспект) // Вестник Воронежского института МВД России. 2018. № 1. С. 150–156.

17. Митиров А.Г. По следам находок и утрат. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990.

18. Митиров А.Г. Ойраты – калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998.

19. Мирзаева С.В. Лузанг Шуну, Галдама и Амурсана – нойоны Джунгарского ханства // Трансграничная культура: очерки сравнительно-сопоставительного исследования традиций западных монголов и калмыков. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. С. 313–343.

20. Мирзаева С.В., Адыяева З.С. О преданиях о Шеаренге в фольклоре западных монголов и алтайцев // Проблемы этнической истории и культуры тюркомонгольских народов. Вып. 4. Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 102–111.

21. Мифы, легенды и предания калмыков / подготовка текстов, пер., вступит. ст., примеч., коммент., указ., словарь, сверка калмыцких текстов Т.Г. Басанговой, Т.А. Михалевой; отв. ред. А.А. Бурыкин, Е.Н. Кузьмина и др. М.: Наука – Вост. лит., 2017.

22. Научный архив Калмыцкого научного центра РАН (НА КалмНЦ РАН). Ф. 16. Оп. 1. Кас. № 141 (150), 169 (160).

23. Оконов Б.Б. Калмыцкие народные исторические песни XVII–XVIII вв. («Галдама», «Мазан-Батыр», «Шуна-Батыр», «На кого же оставил нас Убаши?») // Калмыцкая народная поэзия. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1984. С. 30–58.

24. Оконов Б.Б. Калмыцкие народные исторические песни XVII–XVIII вв.: «Галдама», «Мазан-Батыр». URL: <http://www.nutug.ru/kulitura/pesni/htm> (дата обращения: 10.10.2020).

25. Осорин У. Шинжэнэ өөрднрин болн хальмгудын домг-үлгүрмүд, домгуд, амн үгин туужс: дүндүллн болн зергүллн (= Мифы, легенды и предания синьцзянских ойратов и калмыков: сравнительно-сопоставительный анализ). Элиста: КИГИ РАН, 2015.

26. Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков XVII и XVIII века. Ч. 1. Астрахань: Издание Калм. областного исполкома, 1926.

27. Семь звезд. Калмыцкие легенды и предания / сост., пер., вступ. ст., коммент. Д.Э. Басаев. Элиста: Калм. кн. изд-во. 2004.

28. Сенглеев Б.Ю. Исторические предания и легенды о Мазан-батыре у калмыков: эпическая биография: дис...канд. филол. наук: 10.01.09. М., 2019.

29. Тепкеев В.Т. «Всемиловнейше жалуем тебя, подданного Нашего, и учреждаем Ханом Калмыцким». Церемония объявления Дондук-Омбо в ханское достоинство в 1737 г. // *Oriental Studies*. 2019. № 4. С. 627–633.

30. Тягинова Т.С. Мой предок Мазан-Баатр // Мазан-Батыр: известный военачальник XVII века и легендарный герой калмыцкого народа. Элиста: КалМГУ, 2004. С. 61–65.

31. Хальмг туульс. 2-гч боть / нээрүлж, барт белдснь А.Ц. Бембеева. Элст: Хальмг дегтр нарһач, 1968.

32. Хальмг туульс. 3-гч боть / Барт белдснь Н. Н. Мусова, Б.Б. Оконов, Е.Д. Мучкинова. Элст: Хальмг дегтр нарһач, 1972.

33. Хальмг туульс. 4-гч боть. Элст: Хальмг дегтр нарһач, 1974. 270 х. Хальмг туульс. IV боть / Барт белдснь Б.Б. Оконов, Е.Д. Мучкинова. Элст: Хальмг дегтр нарһач, 1974.

34. Цекеева Т.Э. Образ Мазан-Батыра в калмыцком устном народном творчестве // Мазан-батыр: известный военачальник XVII в. и легендарный герой калмыцкого народа. Элиста: КИГИ РАН, 2004. С. 54–60.

35. Шараяева Т.И. Свадебная обрядность // Калмыки. М.: Наука, 2010. С. 249–270.

36. Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство в 1724–1741 гг.: хроники династийных междоусобиц. Элиста: Джангар, 2005.

REFERENCES

(Articles from Scientific Journals)

1. Alekseyeva P.E. O dzhungarskom knyaze Louzang-Shunu [About the Dzungarian Prince Louzang-Shun]. *Teegin gerl*, 1999, no. 8, pp. 123–126. (In Russian).

2. Bakayeva E.P. Ob oboznachenii vozrastnykh kategoriy v kul'ture oyratov i kalmykov [About the Designation of Age Categories in the Culture of the Oirats and Kalmyks]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*, 2014, no. 4, pp. 89–95. (In Russian).

3. Bakayeva E.P. Etnicheskaya identichnost' kalmykov i konfessional'nyye svyazi s Tibetom (k prochteniyu maloizvestnykh istochnikov) [The Ethnic Identity of the Kalmyks and Their Confessional Relations with Tibet (How to Read Little-known Sources)]. *Oriental Studies*, 2019, no. 5, pp. 891–925. (In Russian).

4. Batmayev M.M. Mazan-Batyr: legendy i deystvitel'nost' [Mazan-Batyr: Legends and Reality]. *Teegin gerl*, 1985, no. 6, pp. 110–112. (In Russian).

5. Goryayeva B.B. Eet Mergen Temene: skazka ili real'nost'? (K voprosu ob istorichnosti personazha) [Eet Mergen Temene: Fairy Tale or Reality? (To the Question of the Historicity of the Character)]. *Problemy etnicheskoy istorii i kul'tury tyurkomongol'skikh narodov*, 2010, no. 2, pp. 145–150. (In Russian).

6. Kokov Dzh.N., Kokova L.Dzh. Zametki o kabardinskoy familii Atazhukin [Notes on the Kabardian Surname "Atazhukin"]. *Kavkazologiya*, 2018, no. 2, pp. 146–151. (In Russian).

7. Mel'nikova N.T. Stanovleniye i razvitiye grazhdansko-pravovogo instituta deysposobnosti v rossiyskom zakonodatel'stve v period 17 – nachala 20 v. (istoriko-pravo-

voy aspekt) [The Formation and Development of the Civil Law Institute of Legal Capacity in the Russian Legislation in the Period of the 17th – Early 20th Centuries (The Historical and Legal Aspects)]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*, 2018, no. 1, pp. 150–156. (In Russian).

8. Mirzayeva S.V., Ad'yayeva Z.S. O predaniyakh o Sheareng v fol'klore zapadnykh mongolov i altaytsev [About the Legends about Sheareng in the Folklore of the Western Mongols and Altaians]. *Problemy etnicheskoy istorii i kul'tury tyurkomongol'skikh narodov*, 2016, vol. 4, pp. 102–111. (In Russian).

9. Tepkeyev V.T. “Vsemilostiveyshe zhaluyem tebya, poddannogo Nashego, i uchrezhdayem Khanom Kalmytskim”. Tseremoniya ob'yavleniya Donduk-Ombo v khanskoye dostoinstvo v 1737 g. [“We Most Graciously Grant You, Our Subject, and Establish You as the Khan of Kalmyk”. The Ceremony of Declaring Donduk-Ombo to the Khan's Dignity in 1737]. *Oriental Studies*, 2019, no. 4, pp. 627–633. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

10. Bakayeva E.P. Istoricheskiy fakt i ego interpretatsiya: Ubashi-khan v istorii i kul'ture kalmykov i oyratov [A Historical Fact and its Interpretation: Ubashi Khan in the History and Culture of the Kalmyks and Oirats]. *Transgranichnaya kul'tura: ocherki sravnitel'no-sopostavitel'nogo issledovaniya traditsiy zapadnykh mongolov i kalmykov* [The Transborder Culture: Essays on Comparative Studies of the Traditions of the Western Mongols and Kalmyks]. Elista, Kalmyk Scientific Center of the RAS Publ., 2016, pp. 344–352. (In Russian).

11. Basangova T.G. Novyye syuzhety istoricheskikh pesen kalmykov [New Plots of the Kalmyks' Historical Songs]. *Fol'klor v kontekste kul'tury* [Folklore in the Context of Culture]. Makhachkala, Dagestan State Pedagogical University Publ., 2011, pp. 9–10. (In Russian).

12. Goryayeva B.B. Legendy i predaniya o Mazan-batyre [The Legends and Traditions about Mazan-batyr]. *Mazan-batyr: izvestnyy voyenachal'nik 17 v. i legendarnyy geroy kalmytskogo naroda* [Mazan-batyr: The Famous Military Commander of the 17th Century and the Legendary Hero of the Kalmyk People]. Elista, Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the RAS Publ., 2004, pp. 46–53. (In Russian).

13. Kichikov A.Sh. Zhanrovoye svoyeobraziye povestvovaniya o Mazan-baatare v aspekte kalmytsko-bashkirskikh mezhetnicheskikh svyazey [The Genre Originality of the Narrative about Mazan-baatar in the Aspect of Kalmyk-Bashkir Interethnic Relations]. *Mezhetnicheskoye obshchnosti i vzaimosvyazi fol'klora narodov Povolzh'ya i Urala* [The Interethnic Communities and Interrelationships of the Folklore of the Peoples of the Volga Region and the Urals]. Kazan', Institute of Language, Literature and Art of the Kazan Branch of the USSR AS Publ., 1983, pp. 120–128. (In Russian).

14. Mirzayeva S.V. Luzang Shunu, Galdama i Amursana – noyony Dzhungarskogo khanstva [Luzang Shunu, Galdam and Amursana – the Noyons of the Dzungarian Khanate]. *Transgranichnaya kul'tura: ocherki sravnitel'no-sopostavitel'nogo issledovaniya traditsiy zapadnykh mongolov i kalmykov* [Transborder Culture: Essays on Comparative Studies of the Traditions of the Western Mongols and Kalmyks]. Elista, Kalmyk Scientific Center of the RAS Publ., 2016, pp. 313–343. (In Russian).

15. Tyaginova T.S. Moy predok Mazan-Baatr [My Ancestor Mazan-Baatr]. *Mazan-batyr: izvestnyy voyenachal'nik 17 v. i legendarnyy geroy kalmytskogo naroda* [Mazan-batyr: The Famous Military Commander of the 17th Century and the Legendary Hero of the Kalmyk People]. Elista, Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the RAS Publ., 2004, pp. 61–65. (In Russian).

16. Tsekeyeva T.E. Obraz Mazan-Batyra v kalmytskom ustnom narodnom tvorchestve [The Image of Mazan-Batyr in the Kalmyk Oral Folk Art]. *Mazan-batyr: izvestnyy voyenachal'nik 17 v. i legendarnyy geroy kalmytskogo naroda* [Mazan-batyr: The Famous Military Commander of the 17th Century and the Legendary Hero of the Kalmyk People]. Elista, Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the RAS Publ., 2004, pp. 54–60. (In Russian).

17. Sharayeva T.I. Svadebnaya obryadnost' [Traditional Wedding Ceremonies]. *Kalmyki* [The Kalmyks]. Moscow, Nauka Publ., pp. 249–270. (In Russian).

(Monographs)

18. Mandzhiyeva B.B. (ed., comp.) Altн cheyeжтэ kelmrч Boktan Shanya. Khranitel' mudrosti narodnoy Shanya Boktayev [Altн cheжтэ kelmrч Boktan Shan. The Keeper of the Wisdom of the Shanya Boktaev People]. Elista, Kalmyk Scientific Center of the RAS Publ., 2010. (In Russian and Kalmyk).

19. Krinichnaya N.A. *Ukazatel' tipov, motivov i osnovnykh elementov predaniy* [The Index of the Types, Motives and Basic Elements of Legends]. Petrozavodsk, Karelian branch of the USSR AS Publ., 1990. Available at: URL: <https://ruthenia.ru/folklore/krinichnaya1.htm> (accessed 01.02.2021). (In Russian).

20. Mitirov A.G. *Po sledam nakhodok i utrat* [In the Wake of Finds and Losses]. Elista, Kalmyk Book Publishing, 1990. (In Russian).

21. Mitirov A.G. *Oyraty – kalmyki: veka i pokoleniya* [The Oirats – the Kalmyks: Centuries and Generations]. Elista, Kalmyk Book Publ., 1998. (In Russian).

22. *Mify, legendy i predaniya kalmykov* [The Myths, Legends and Traditions of the Kalmyks]. Transl. Basangova T.G., Mikhaleva T.A., ed. Burykin A.A. et al. Moscow, Nauka – Oriental literature Publ., 2017. (In Russian).

23. Osorin U. *Mify, legendy i predaniya sin'izyanskikh oyratov i kalmykov: sravnitel'no-sopostavitel'nyy analiz* [The Myths, Legends and Traditions of the Xinjiang Oirats and the Kalmyks: Comparative Analysis]. Elista, Kalmyk Scientific Center of the RAS Publ., 2015. (In Kalmyk).

24. Pal'mov N.N. *Etyudy po istorii privolzhskikh kalmykov 17 i 18 veka* [Studies in the History of the Volga Kalmyks of the 17th and 18th Centuries]. Vol. 1. Astrakhan': Kalmyk Regional Executive Committee Publ., 1926. (In Russian).

25. Basayev D.E. (ed., comp., transl.) *Sem' zvezd. Kalmytskiye legendy i predaniya* [Seven Stars. The Kalmyk Legends and Traditions]. Kalmyk Book Publ., 2004. (In Russian).

26. Tsyuryumov A.V. *Kalmytskoye khanstvo v 1724–1741 gg.: khroniki dinastiykh mezhdousobits* [The Kalmyk Khanate in 1724–1741: the Chronicles of Dynastic Feuds]. Elista, Dzhangar Publ., 2005. (In Russian).

(Thesis and Thesis Abstracts)

27. Sengleyev B. Yu. *Istoricheskiye predaniya i legendy o Mazan-batyre u kalmykov: epicheskaya biografiya* [The Historical Myths and Legends about Mazan-batyr Among the Kalmyks: An Epic Biography]. PhD Thesis. Moscow, 2019. (In Russian).

Бакаева Эльза Петровна, Калмыцкий научный центр РАН.

Зам. директора по научной работе, ведущий научный сотрудник. Научные интересы: этнология, фольклористика, буддизм, добуддийские верования, история монгольских народов, традиционная культура, источники.

E-mail: ebakaeva@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-5188-1202

Elza P. Bakaeva, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.

Deputy Director, Leading Research Associate. Research interests: ethnology, folklore studies, Buddhism, pre-Buddhist beliefs, history of the Mongolian peoples, traditional culture, sources.

E-mail: ebakaeva@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-5188-1202